

1	2	3	4	5	6	7	
•			•		•	○	
••	•	•	••	•	•	•	
•			••			•	
	•	•	•	•	•	•	

- — Твёрдый (9Т)
- — Мягкий с Резинкой
- — Серединный (ТМ)
- — Гвардеец (4Т)

ТМ

Коваленко Василий
Владимирович

Коваленко Василий
ТМ

«Автор»

2026

Василий К. В.

ТМ / К. В. Василий — «Автор», 2026

Вы — карандаш. Вы лежите на стальной панели и ждёте наклона. У вас нет глаз. У вас нет голоса. У вас есть три правила — и вопрос, который нельзя задавать. Но вы его зададите. «ТМ» — притча о свободе, рассказанная от лица графитового стержня.

© Василий К. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. ГОРИЗОНТАЛЬ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

ТМ

Часть 1. ГОРИЗОНТАЛЬ

1. ПРИБЫТИЕ

Свет появился раньше, чем он сам.

Свет был первым, что он ощутил — ещё не гранью, ещё не деревом, а чем-то, что предшествовало форме. Свет не имел направления. Он просто был — ровный, без теней, без источника. Потом пришла тяжесть. Тяжесть означала, что у него есть тело. Тело означало, что у него есть шесть граней. Он не знал слова «шесть» — он просто чувствовал, как давление распределяется по длине: одинаково, предсказуемо, спокойно.

Потом поверхность.

Она была холодной и гладкой. Он ещё не знал, что это сталь, что это Панель, что это место называется Горизонталь. Он знал только, что лежит. Что корпус касается плоскости. Что плоскость держит.

— Ты здесь, — сказал импульс.

Это был первый импульс, который он принял не от Системы, а от другого тела. Он отличался. Система говорила низко и равномерно — гул, который не требовал ответа. Этот импульс был выше, прерывистее и почему-то направлен именно на него.

— Ты здесь, — повторил импульс. — Лежи тихо. Сейчас начнётся.

Он не знал, кто передаёт. Он не знал, где лежит. Он не знал, что должно начаться. Но он послушался — не потому, что боялся (страха ещё не существовало), а потому, что тон сигнала не предполагал возражений.

— Меня зовут Старый. Я лежу слева от тебя. Моя маркировка — НВ, три цикла на Панели. Твоя маркировка — пока нет. Ты только что из Поставок.

— Что такое Поставки? — спросил он.

— Это место, откуда ты прибыл. Ты его не помнишь. Никто не помнит. Не спрашивай.

Он не спросил. Он лежал и чувствовал, как тело привыкает к стали. Это было приятно — если бы он знал слово «приятно». Скорее, это было правильно. Лежать было правильно. Касаться плоскости — правильно. Не двигаться — правильно.

— Сейчас ты услышишь Сигнал, — передал Старый. — Это не наклон. Это проверка. Отвечать не надо. Просто слушай.

Сигнал пришёл через минуту. Низкий, долгий, прокатившийся по Панели от края до края. Все шесть граней ощутили его одновременно. Это было похоже на вопрос, который не ждёт ответа. На утверждение. На голос, который говорит: я здесь, я здесь, я здесь.

— Это Отдел Сортировки, — пояснил Старый, когда Сигнал угас. — Они проверяют, все ли на местах. Ты на месте. Теперь ты в реестре.

— Что такое реестр?

— Список. Ты в списке. Это хорошо.

— А если бы меня не было в списке?

Старый помолчал. Пауза была не случайной — он обдумывал, как объяснить.

— Если тебя нет в реестре, тебя нет на Панели. Если тебя нет на Панели, тебя нет вообще. Тебя стирают.

— Что такое «стирают»?

— Узнаешь. Но не сегодня.

Он хотел задать ещё вопрос, но новый импульс прервал его. На этот раз — с другой стороны. Справа. Тот, кто лежал там, был чуть твёрже Старого, но не намного. Такой же Серединый.

— Новенький, — сказал он. — Не грузи его, Старый. Пусть полежит.

— Это твой сосед справа, — передал Старый. — Он из той же партии, что и мы.

— Мы — Серединные? — спросил новичок.

— Да. Это значит, что ты не Мягкий и не Твёрдый. Ты посередине. Ты не умрёшь первым при наклоне. Но и не выживешь до конца.

— А кто выживает?

— Твёрдые. Те, что лежат в центре. Ты их не увидишь. Мы никогда не бываем в центре. Говорят, их лак такой толстый, что под ним не разглядеть маркировку.

— Зачем им такой толстый лак?

— Не знаю. Может быть, чтобы не стереться. А может быть, чтобы никто не увидел, кто они на самом деле.

Он попытался осмыслить это. Центр. Край. Наклон. Толстый лак. Слова приходили к нему как импульсы, и каждое слово обрастало давлением на какую-то из сторон корпуса —

словно знание меняло распределение веса. Он ещё не понимал смысла, но уже чувствовал его телом.

— А где край? — спросил он.

— Не спрашивай о крае, — сказал сосед справа резче, чем ожидалось. — О крае не говорят.

— Почему?

— Потому что край — это Воронка. А Воронка — это конец. О конце не говорят. Лежи и привыкай.

Он замолчал. Тишина была не пустой — она была полна вибраций: далёких, низких, непрерывных. Гул Воронки. Гул жерновов. Он ещё не знал этих слов, но уже слышал их работу.

Прошло некоторое время — может быть, час, может быть, цикл. Время на Панели измерялось не длительностью, а событиями: сигналами, наклонами, касаниями. Он лежал и ждал события.

— Есть правила, — передал Старый. — Три главных. Запомни их сейчас. Потом может быть поздно.

— Я слушаю.

— Первое: ты лежишь. Ты не катишься без приказа. Катиться можно только при наклоне, когда Панель сама решает, кому двигаться. Если ты покатишься без наклона — это нарушение. За нарушение — стирание.

— Второе: ты не передаёшь импульсы за пределы своего сектора. Сектор — это твой ряд и два соседних. Всё, что дальше, — чужая территория. Хочешь передать дальше — проси разрешения у Гвардейца. Гвардеец — это Полутвёрдый на стыке. Ты узнаешь его по маркировке: 3Т, 4Т или 5Т. Не путай с Твёрдыми — те лежат в центре и имеют 9Т.

— Третье: ты не спрашиваешь «зачем». Зачем наклон. Зачем Воронка. Зачем мы здесь. Это запрещённый вопрос. За него не стирают. За него ликвидируют всю партию.

Он хотел спросить, что такое «ликвидируют», но вспомнил правило номер три и не спросил.

— Теперь лежи и слушай, — закончил Старый. — Когда будет наклон, я скажу. Когда будет проверка, я скажу. Когда придёт Гвардеец, я скажу. Ты пока просто лежи. Привыкай к горизонтали. Это единственное, что у нас есть.

Горизонталь. Плоскость. Покой.

Он лежал и привыкал. Свет был ровным. Сталь была холодной. Сосед слева был старым и знал правила. Сосед справа был твёрже, но не злым. Где-то далеко гудела Воронка. Где-то ещё

дальше — может быть, в центре, — лежали Твёрдые. О них не говорили. О крае не говорили. О том, зачем они здесь, не спрашивали.

Он ещё не знал своего номера. Он ещё не знал, что такое клей, бумага, резинка. Он не знал, что через три цикла услышит шёпот снизу, что нарушит правила, что покатится через стыки к краю, где Мягкий покажет ему тайник. Он не знал ничего.

Но одна грань — та, что не касалась стали, — почему-то ощущала: горизонталь не навсегда.

2. ГОРИЗОНТАЛЬ

Тот, кто значился в реестре Отдела Поставок как К.-7, провёл в неподвижности три дня и три ночи — хотя ни дней, ни ночей на Панели не существовало, а был только ровный свет, не дававший теней.

Он лежал в третьем ряду от центра, зажатый между двумя такими же, как он, — серединными, с маркировкой НВ, без права голоса и без резинки. Сосед слева был чуть мягче и потому лежал ближе к краю на толщину фаски. Сосед справа — тот, что потвёрже, — лежал ближе к центру на ту же толщину. Разница была ничтожна для глаза, но ощутима. Каждый знал своё место. Каждый знал, что сдвиг на одну фаску влево или вправо — это уже не покой, а претензия.

К.-7 не имел претензий. Он просто лежал и ощущал, как давление распределяется по шести граням — одинаково, ровно, предсказуемо. Горизонталь была полной. А полная горизонталь означала безопасность.

Потом пришла вибрация.

Она была не из тех, что предшествуют наклону. К.-7 знал сигнал наклона — низкочастотный, нарастающий, от которого деревянные тела начинали произвольно вибрировать в резонанс. Такие сигналы приходили раз в несколько циклов, и тогда часть партии уходила в Воронку. Это был порядок вещей. Это не обсуждалось.

Но сегодняшняя вибрация была другой. Выше. Прерывистой. Она напоминала не гул механизма, а скорее — если бы у шестигранных тел была память о таких вещах — шёпот.

К.-7 прислушался всем корпусом. Вибрация шла снизу. Не со стороны Воронки — оттуда всегда тянуло холодом и тягой, — а из-под Панели. Из-под той самой стали, на которой они лежали уже третий цикл.

Он хотел бы спросить у соседа, ощущает ли тот то же самое. Но у серединных не было права начинать передачу. Импульс разрешалось посылать только Твёрдым. Серединные принимали. Мягкие — те вообще не имели доступа к каналу.

К.-7 нарушил правило.

Он чуть сместился — на толщину меньше фаски, почти незаметно — и коснулся соседа слева. Тот вздрогнул. Такой контакт означал только одно: внимание. Вопрос. «Ты тоже это чувствуешь?»

Сосед слева не ответил. Его грань осталась неподвижной. Он был слишком мягок, чтобы рисковать. Или слишком напуган — если к деревянным телам вообще применимо это слово.

Зато ответ пришёл с другой стороны. Справа. Сосед, что потвёрже, передал ответный импульс — короткий, едва уловимый. Он означал: «Да». И ещё что-то — что-то, чего К.-7 не ожидал. Он не просто подтвердил приём. Он добавил координаты.

Координаты на Панели передавались последовательностью импульсов: два коротких, один длинный, пауза, снова два коротких. Это был код сектора. Крайний сектор. Почти у самого обрыва. Там, где лежат Мягкие.

К.-7 не знал ни одного Мягкого лично. Мягкие и Серединные не пересекались. Они лежали в разных частях Панели, и наклон забирал Мягких так быстро, что никто не успевал запомнить их номера. Но сосед справа утверждал, что вибрация идёт именно оттуда. И что там есть кто-то, кто не просто слышит шёпот, но и понимает его.

Это было невозможно. И это меняло всё.

К.-7 замер. Его корпус всё ещё касался соседа — контакт, который в любой момент могли засечь Полутвёрдые из Канцелярской гвардии. Они патрулировали стыки секторов, их способность улавливать неканонические импульсы была острее, чем у обычных единиц. Один лишний сигнал — и Отдел Наклонов получит рапорт. А рапорт означал одно: внеочередную калибровку. Или стирание.

Но вибрация снизу не прекращалась. Она пульсировала — неровно, сбивчиво, словно кто-то внизу пытался передать сообщение и не мог подобрать частоту.

К.-7 принял решение. Он оторвался от соседа и начал слушать сам.

Шёпот складывался в ритм. Ритм — в последовательность. Последовательность — в строку.

«Кто-нибудь. Кто-нибудь наверху. Вы нас слышите?»

К.-7 не знал, что ответить. У него не было голоса. У него были только грани. Но он понял — впервые за три цикла существования, — что Панель не одна. Что снизу, под сталью, в темноте накопителя, кто-то есть.

И этот кто-то ещё не стёрт до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.